

Аналитическая статья

УДК 1(091); DOI: 10.61260/2074-1618-2025-4-43-53

ТЕХНИКА ЗНАНИЯ И СООБЩЕНИЯ

✉ Шевцов Константин Павлович.

Санкт-Петербургский университет ГПС МЧС России, Санкт-Петербург, Россия

✉ shvkst@list.ru

Аннотация. Предложен обобщающий взгляд на основные компоненты чувственного восприятия, такие как чувственная данность и чувственные качества, интенциональность, первичный синтез воображения. Особое внимание уделено взаимодействию чувственных качеств, благодаря которому происходит выделение и своеобразная артикуляция или фиксация определенности чувственного качества в его связи с другими качествами. Этот пример взаимодействия чувственных каналов восприятия очень важен для формирования объемного образа реальности и выхода от поверхности ощущения к пространственной глубине действия. Не менее важным представляется и опыт проживания времени, поскольку именно протекание чувственных феноменов и синтез отдельных моментов в единстве узнаваемого образа формирует эйдетический уровень восприятия, необходимый для ориентации в мире, узнавания устойчивых объектов и общего порядка воспринимаемых явлений.

Ключевые слова: техника, искусство, навык, техники тела, цепочка действий, медиум, метаморфоз, знание, сообщение

Для цитирования: Шевцов К.П. Техника знания и сообщения // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2025. № 4 (69). С. 43–53. DOI: 10.61260/2074-1618-2025-4-43-53.

Analytical article

TECHNOLOGY OF KNOWLEDGE AND COMMUNICATION

✉ Shevtsov Konstantin P.

Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia, Saint-Petersburg, Russia

✉ shvkst@list.ru

Abstract. The article discusses the possibility of posing the question of the techniques of knowledge and communication. In the modern era, the development of mass media and artificial intelligence has presented us with a new form of sign production and exchange, with incredible capabilities for collecting and processing information, but we still do not understand whether we are dealing with a new form of intelligence or just a highly advanced but limited technical device. The article attempts to return to the original concept of the technical and the role of the technical in shaping human cognition and means of communication. The connection between the development of technology and the formation of a certain type of subjectivity, which is necessary for testing the application of technical skills, is shown. This correlation between technology and the subject remains a major issue in modern technological advancements.

Keywords: technique, art, skill, body techniques, chain of actions, medium, metamorphosis, knowledge, message

For citation: Shevtsov K.P. Technology of knowledge and communication // Psihologo-pedagogicheskie problemy bezopasnosti cheloveka i obshchestva = Psychological and pedagogical problems of human and social security. 2025. № 4 (69). P. 43–53. DOI: 10.61260/2074-1618-2025-4-43-53.

Введение

Современное общество существует в мире, который создан техникой, а не природой. И дело не только в том, что техника дополняет природу, обустроивая среду обитания, но и в том, что она сначала стала имитацией, а затем и заменой природы, причем не только природы вне человека, но и его собственной. Человек и есть существо техническое, поэтому каждый этап его истории отмечен изменением в его техническом оснащении, но, возможно, сегодня человечество впервые, в связи с развитием цифровых технологий и искусственного интеллекта, стоит на пороге полного снятия границ, отделявших прежде человека от его творения. Есть существенное отличие техники, которая родилась вместе с человеком и с самого начала отделила человеческий вид от прочих животных видов и тех устройств и технологий, которые смогли получить развитие лишь в условиях современного мира, но в любом случае люди оказываются перед вопросом, что значит для человека быть техническим существом, и что остается в человеке помимо техники, без которой, очевидно, существовать он не может. И если раньше можно было говорить о том, что техника обеспечивает условия материального выживания человека, являясь продолжением его тела и навыков действия, то сегодня приходится спрашивать о технической обусловленности порядка смыслов, задающих основные ориентиры и цели действия, и в конечном итоге дающих людям знание самих себя и своего присутствия в мире. Поэтому вопрос о технической природе человека может предполагать и другую формулировку, а именно, что остается человеческого в мире, в котором весь объем смыслов подлежит исчислению и каждый новый смысл может оказаться всего лишь ответом машины на запрос, вытекающий из более ранних ответов, сгенерированных большими языковыми программами.

Методы исследования

В статье используются аналитический и феноменологический методы.

Результаты исследования и их обсуждение

Разумеется, поставленный вопрос слишком сложен и широк для любого исследования, каким бы основательным оно ни было, однако уже сложилась та ситуация, когда неизбежно придется искать ответ на этот вопрос, а значит стоит по мере сил готовить аргументы в пользу того или иного ответа, и здесь не обойтись без обращения к истории техники в ее связи со структурами коммуникации и языка, с работой сознания и инструментами познания мира. В этом и состоит главный вопрос статьи, а именно вопрос о технике знания и сообщения. Обсуждение этого вопроса началось задолго до появления современной техники, по крайней мере на заре Нового времени, когда обращение к сложным вычислениям впервые заставило великих математиков, таких как Декарт, Паскаль и Лейбниц, задуматься о технической природе алгоритмов вычисления и логических заключений. Эти идеи получили дальнейшее развитие к концу XIX в. в системных проектах формализации логики и начал математики Джорджа Буля, Готлоба Фреге, Джузеппе Пеано и Бертранда Рассела, а затем получили реализацию в работах Алана Тьюринга, Джона фон Неймана и многих других, что в конечном итоге и привело к исследованиям в сфере искусственного интеллекта. При этом с самого начала проекту формализации и технизации знания сопутствовал и обратный процесс выделения собственной независимой области субъекта, носителя чистого мышления или чувства, не допускающих калькуляции, как и не сводимых к чисто логическим процедурам. В первой половине XX в. философ и математик Эдмунд Гуссерль противопоставит современной ему формализации знания идею чистого потока сознания и будет видеть в истории формализации математики от Галилея до Фреге и Рассела проявление кризиса европейских наук, а вместе с этим и кризиса современного человечества [1, с. 89].

Само по себе противопоставление собственной природы человека и технической формы освоения мира и ориентации в нем может быть обозначено через оппозицию непосредственной данности себе субъекта и опосредованности, которая привходит не только благодаря внешним техническим приспособлениям, но и, прежде всего, благодаря телу, которое осваивается человеком с помощью научения и тренировки и, соответственно, в форме определенной техники управления телом. Эта техника в свою очередь является результатом взаимодействия с другими людьми, чьи уроки и чей пример люди присваивают себе в процессе обучения. Таким образом, в отношении человека и техники необходимо встроить еще один элемент, это отношение регулирующий, а именно социальную природу человека и систему его действий и контактов. И здесь стоит вспомнить о том, что Льюис Мамфорд в исследовании «Миф машины» представил историю техники как грехопадение в машину, причем исток этого грехопадения он видел в возникновении государственной машины или, точнее, таких государственных машин, как царская власть, чиновничество и регулярная армия, построенных на подчинении, управлении и сведении отдельных людей к неразличимым элементам единого механизма [2, с. 219]. В этом случае видно, что определенная система общества задает образец развитию техники и тем самым не только способствует приобретению технических навыков, но и фактически принуждает человека смотреть на себя как на часть определенной технической организации, функционера и пользователя социальной и культурной машины. Итак, вопрос о технике познания и сообщения – это вопрос о том, что в природе человека является по сути своей техническим и что, помимо этого и даже вопреки своей свободе в отношении техники, заставляет человека подчиняться власти технического мира с его собственными алгоритмами производства и продвижения истин о том, что может и должен знать человек о себе и собственном мире.

Слово «техника» в последние пару столетий ассоциируется преимущественно с комплексом автоматических устройств, чье действие задается программами, а также приспособлениями, отвечающими за преобразование природной энергии. Техника в этом смысле является значительным достижением человеческой истории, но отнюдь не ближайшим орудием и помощником человека при самых первых шагах освоения мира. Для исследователей техники важным является такой подход, который готов видеть истоки техники в примитивных орудиях, и здесь на помощь приходит значение древне-греческого *τεχνικός*, происходящего от слова *τέχνη*, что можно перевести как «искусство», «мастерство» или «умение». Как правило, искусство связано с определенным производством, однако речь не идет о творении из ничего, но, скорее, о достижении цели, которая отделена от действующего и поэтому ее достижение требует нахождения средств, прямых или обходных путей, осуществления действий в определенной последовательности, необходимой для преодоления препятствия, для изменения материала, для получения нужной вещи, придания ей необходимой формы, качества и т.д.

Большинство действий, совершаемых человеком, встроены в порядок навыков и умений, которыми однажды пришлось овладеть, как, например, пришлось овладеть навыком ходьбы. Расположение на задних конечностях является заведомо неустойчивой позицией, и переход к движению является прежде всего утратой равновесия, которое восстанавливается благодаря перестановке ног, превращающей ходьбу в чередование падения и удержания от падения. Ходьба – достаточно простой пример навыка, однако едва ли не важнейший для истории человеческого вида, одновременно природный и культурный, подражательный, требующий научения и образца, более того, развивающийся по мере взросления человека и освоения им своего статуса, что ведет к изменению движений тела, индивидуализации походки. Контроль за движением тела при ходьбе требует освоения ритма, и это тот навык, который не просто прибавляется к движению, но и устанавливает исходную форму последовательности шагов, без которой удержание равновесия было бы невозможно. Таким образом, на примере ходьбы видно настоящую технику тела, которая осваивается индивидуально и при этом является продуктом коллективного научения, условием вхождения в сообщество и обретения в нем узнаваемого облика.

Понятие техник тела впервые выделил и обосновал французский антрополог Марсель Мосс в работе, которая так и была названа «Техники тела». Размышляя над различием от общества к обществу таких практик, как определенный тип передвижения или отдыха, Мосс показывает, что есть специфическая структура этих практик, которая является традиционной и обеспечивает действенность индивидуальных актов в соответствии с задачами, значимыми для общества в определенное время и в определенных условиях своего существования [3, с. 248]. Так, способность отдыхать, сидя на корточках, равным образом доступна примитивным народам, крестьянам, а также маленьким детям, но совершенно чужда жителям городов, привыкшим к сидению на внешней опоре. В этом случае речь идет о навыке, связанном с дисциплиной тела, распределяющей его ресурсы таким образом, что человек, способный сидеть, не двигаясь, часами на стуле, больше не может и десяти минут высидеть на корточках так, чтобы у него не затекали ноги. Техника тела может служить не только распределению сил, но и формировать готовность к определенному опыту, который может нести опасность для человека, а тем самым и для общества. Так, Мосс отмечает, что при его жизни изменилась техника ныряния в воду, и если раньше считалось правильным закрывать глаза перед погружением и открывать их уже в воде, то затем, наоборот, стали делать акцент на погружении с открытыми глазами: «Таким образом, еще до того, как дети начинают плавать, их приучают прежде всего обуздывать опасные, но инстинктивные рефлексy глаза, их приучают к воде, подавляют страхи, создают некоторую уверенность, регулируют остановки и движение» [3, с. 243].

Этот пример показывает, что социальные техники, подчиняя природную реактивность тела, создают новое существо, социального субъекта, способного интегрировать в собственный телесный опыт то, что по сути является для него исходно чужеродным или даже опасным, и именно эта интеграция расширяет возможности и эффективность его действия, придавая обретенным навыкам статус своего рода второй природы, индивидуальной и коллективной, наделяющей одновременно формой внешнего признания и поощрения и внутреннего самоотношения, или самосознания. Способность школьника высиживать за партой, удерживая внимание на выводимых прописью буквах, более значима для современного социума с его дисциплинарными практиками, чем умение сидеть на корточках, важное для охоты с ее долгими переходами и короткими стоянками. Изменчивость техник в истории обществ и при этом их абсолютная необходимость как адаптация каждого индивида к коллективной жизни и общества в целом к условиям своего обитания сформировали у палеоантропологов понимание того, что техника в действительности является не просто важной привходящей, но и отличительной сущностной характеристикой человека как биологического вида.

Этому вопросу особое внимание уделял в своих исследованиях Андре Леруа-Гуран, который отстаивал тезис, что человек появляется вместе с использованием техник, причем это верно уже для самых примитивных форм человеческой организации, далеко отстоящих по времени от современного *Homo sapiens*. Его анализ отталкивается не от тех явлений, которые Мосс определил понятием техник тела, а от артефактов, доступных археологам, однако очевидно, что использование орудий предполагает определенную организацию деятельности, то есть, собственно, технику тела, которая предшествует или совпадает по времени с изготовлением и использованием внешних технических приспособлений, таких как простейшие чопперы, отщепы, более сложные бифасы, каменные топоры и пр. Как пишет Леруа-Гуран в работе «Жест и речь»: «Появление орудий как характеристики вида отмечает границу между животным и человеком, иницируя длительный переходный период, в течение которого социология медленно заняла место зоологии» [4, с. 90].

Реконструкция процесса, необходимого для изготовления простейшего орудия, показывает, что на этом этапе должно было произойти объединение простых действий в цепочку операций, прежде всего, отбор и соединение двух галек, из которых одна используется в качестве молотка, а другая принимает удары, так что каждый удар наносится по одному из краев в направлении, перпендикулярном поверхности, и отламывает отщеп

с острым краем [4, с. 93]. Эта простая последовательность действий образует базовую форму техники, которая на многие тысячелетия становится определенным стандартом изготовления орудия, а вместе с тем и начальной структурой человеческого интеллекта: «Техника первых антропоидов была чрезвычайно простой, более или менее соответствующей тому, что мы знаем об их мозге. Тем не менее, она, безусловно, была человеческой, и, по-видимому, соответствовала организму существа, которого она дополняла. Состояние, которое оно подразумевает, является состоянием технического сознания, к которому, однако, мы не должны применять нашу собственную мерку» [4, с. 94].

Эта базовая форма открывала возможность дальнейшего развития, которое состояло в прибавлении новых серий движений, а вместе с тем и в появлении предвидения, внутреннего понимания или представления того, каким должен быть промежуточный результат действия, чтобы к нему можно было применить новое действие или новую цепочку действий [4, с. 96]. Важно понимать, что интеллект образуется не просто из удлинения цепочек действия, потому что само это удлинение было бы невозможно без появления интеллекта, но он и не существует вне их, а является, по-видимому, продуктом двоякого движения, которое с одной стороны ведет к организации внешних цепочек действия, а с другой – присваивает эту последовательность в целом как возможность предвидения и как образец для создания новых цепочек действия в отношении все новых объектов и полей деятельности.

Последовательность действий является необходимым условием выстраивания маршрута и освоения территории, что легко обнаружить в поведении различных животных, однако выстроенный путь в таких случаях становится настолько завершенным и замкнутым на себе образованием, что при изменении внешних условий долгое время остается неизменным, подменяя собой непосредственную ориентацию в пространстве [5, с. 89]. Животное таким образом соотносит пространство с движением, и вместе с этим пространство подчиняется установившемуся рисунку движения, поддерживая его автоматизм как естественный порядок вещей. Подобным образом в свое время описывал автоматизм привычки Анри Бергсон, отчасти воспроизводя кантовскую трактовку соотношения пространства и времени [6, с. 207]. Как видно на примере техник тела, подобный автоматизм действия полностью отличается от того, как свои цепочки действия выстраивает человек, что верно и для людских привычек, которые, хотя и обладают определенной инерцией, допускают так же проверку и корректировку реальностью, поскольку сама цепочка действия строится на постоянном включении и преобразовании фрагментов внешнего мира. Это следует уже из того, что техника появляется как компенсация недостатков природных средств защиты и нападения [4, с. 75], поэтому последовательности, которые человек создает в качестве своего технического оснащения, являются ничем иным, как формой включения в пространство, создания живых форм сцепления с ним.

Правильно будет сказать, что только в деятельности человека и, прежде всего, в его технической деятельности, происходит превращение движения тела в *действие*, направленное на мир, предполагающее эту направленность во всей протяженности и длительности движения. Это и придает действию способность предвидения результата и открытость к новому действию, возможность привносить в материю мира новые изменения и сверять с ними характер действия, точность, ритмику, сложность и слаженность составляющих это действие движений. Именно направленность действия препятствует превращению навыка и привычки в чистый автоматизм. Бергсон вкладывал в определение привычки через автоматизм определенное уничтожение этой формы сознания, относя его к некой пограничной форме сознания, утратившего себя, забывшего то, чем оно в этот самый момент занято. Стоит сказать, что этой картине противоречит тот факт, что в обычном случае довольно быстро заметна оплошность в привычном действии или его неадекватность изменению обстановки, и это как раз позволяет говорить, что даже в механической последовательности действия скрыт определенный образ мира, который способствует

ориентации во времени и пространстве. Не случайно Уильям Джемс, следуя Аристотелю, подчеркивал, что для привычки важен первый успешный опыт, своего рода внутренний образец эффективного действия [7, с. 52], и именно благодаря ему возможно понять для себя уместность или неуместность, успех или провал примененного навыка, что хорошо видно на примере забывания имен, когда забытое припоминается благодаря ощущению пробела, контура, или ритмического рисунка, слова [7, с. 69].

Повторение действий, которые образуют навык, ведет не только и не столько к его автоматизации, сколько к выделению из общего потока движений, к возможности направления, ориентирования этого потока на основании усвоенных навыков. Ричард Сеннет, рассуждая о развитии навыка и становлении мастерства, пишет, что действительно плодотворными повторы могут быть только тогда, когда они будут укладываться «в тот объем внимания, каким человек располагает на данном этапе» [8, с. 46]. Многочисленные повторения материала в процессе обучения зачастую вообще не дают никакого результата, но зато чем выше достигнутый в том или ином деле уровень, тем более продуктивным становится повтор, и тем дольше мастер может оттачивать свое мастерство, не впадая в скуку от повторов и репетиций. Дело в том, что каждый повтор теперь становится решением новой задачи, а сам навык предстает ничем иным, как «ритмическим циклом решения проблем и обнаружения новых» [8, с. 47]. То, что действия, которые складываются в технический навык и позволяют изготавливать и использовать технические средства, избегают превращения в чистый автоматизм повторения, говорит о том, что вместе с последовательностью действий возникает специфический *субъект* действия, собственно, *человек технический, мастер*, и значит, нельзя говорить о технике вне связи с этой фигурой, вне связи эффективности технического действия с его значением для полагания этой фигуры, как и ее признания со стороны других субъектов действия.

Понятие субъекта связано с определенной традицией в истории мысли, прежде всего, с философией Нового времени, которая строилась на идее автономии разума и способности действия устанавливать чистое отношение мыслящего к себе, в форме самопознания либо самополагания, то есть созидания или учреждения себя перед лицом внешнего мира, объекта познания. Стоит вспомнить, что уже для Декарта самосознание не является совершенно спонтанным актом и требует вполне определенной методической процедуры с выверенной последовательностью шагов и обязательным сохранением всей последовательности как единой формы мысли, обеспечивающей верность каждого отдельного акта природе мышления. Можно вспомнить и более ранние способы представления субъекта, например, античное понимание фигуры философа или мудреца, и хотя в этом случае можно увидеть предпочтение, которое отдается мудрецу перед любой практической деятельностью, будет не лишним вспомнить то, как колеблется Платон в оценке фигуры ремесленника, принижая его роль в структуре идеального государства и затем вдруг возвышая его до статуса бога, демиурга (др.-греч. Δημιουργός означает «мастер», «знаток», «ремесленник»), созидającego физический мир согласно идеальной модели [9, с. 250].

Интересно и то, что Платон называет идеальную модель парадигмой (от др.-греч. παράδειγμα – «пример», «образец»), и тем же словом он называет малые образчики, фигурки, которые, согласно мифу из «Государства», души выбирают для себя перед новым рождением в мир в качестве своего рода внутренней формы будущей жизни, свободно избранной и вместе с этим предопределенной судьбы [10, с. 417]. Эти модельки задают направленность будущего, так же как другое техническое изобретение, письмо, служит Платону образом памяти, сохранения прошлого, и это значит, что если мудрец и свободен от практической жизни в своем поиске бессмертия, в его земной жизни именно техника и ремесло образуют тот стержень, вокруг которого формируется душа, знающая себя как начало собственных решений и действий [11, с. 251]¹. Философская мудрость начинается с подчинения

¹ Стоит вспомнить, что, согласно рассказу Платона из «Государства», есть свой стержень вращения и у космоса в целом, у земли и неба, и этот стержень так же мыслится как особого рода техническое изделие, а именно огромное веретено необходимости, или Ананке [10, с. 415].

чувственной материи, и в этом отношении мастер предельно близок к философу, поскольку его первым шагом также становится овладение материей и преобразование ее. Развилка чистого мышления и технического действия получит затем новое толкование в терминах гегелевской феноменологии духа, а именно в диалектике раба и господина, в первом акте которой господин занимает место чистого субъекта, поставившего свободу и власть выше жизни и смерти, тогда как рабу остается участь подчинения и материального обеспечения господина, однако в следующем акте именно раб, научившийся в трудовой деятельности преобразовывать материю, оказывается тем, кто способен преобразовать и самого себя, стать господином самого себя, суверенным субъектом, присвоившим себе историю самосознания как право господства над миром [12, с. 105].

Более развернутый анализ технической деятельности можно найти в книге Ричарда Сеннета «Мастер», где автор выделяет три вопроса, которые определяют увлеченность мастера своей работой, то есть ту специфическую форму мышления и субъективности, что ведет мастера через толщу материи, заставляя погружаться в нее и преобразовывать ее каждым своим действием. Сеннет пишет, что люди размышляют, прежде всего, о тех вещах, которые они могут изменить, и три момента, которые значимы для них в этом изменении, можно обозначить как метаморфоз, присутствие и антропоморфоз. Первый момент состоит в изменении как реализации действия, что дает мастеру понимание собственной деятельности, способности, силы, эффективности, профессиональной состоятельности и пр. Каждое техническое достижение предполагает длительную историю, иногда исчисляемую тысячелетиями небольших изменений, доработок, усовершенствования методики и технологии.

Эта история входит в плоть профессионального навыка и технического оснащения, но тем самым она начинает работать на самого мастера как носителя определенных знаний, навыков и тайн мастерства, цеховой этики и собственного достоинства. Поэтому преобразование материи должно стать и средством выделения и признания присутствия мастера, не обязательно через указание личного или родового имени, это может быть просто знак, клеймо, говорящее о том, что за изделием стоит его изготовитель, живая история. Такие клейма есть на изысканных изделиях гончаров и ювелиров, но это может быть и простое клеймо на кирпиче, какие находят в большом количестве при раскопках древнеримских дворцов и храмов или в стенах и арках сохранившихся до сих пор римских акведуков. Наконец, изменение материи позволяет видеть в ней самой качества, родственные природе человека, и это тот самый антропорфоз, который позволял древним народам верить, что в деревьях обитают духи, которые затем переселяются в вырезанное из дерева копье, а сегодня позволяет персонализировать материалы, описывая изделия из них, например, как «скромные» или «располагающие к себе» [8, с. 132]. Эта наивная, как может показаться, форма мышления показывает, как мастер снимает чуждость материала и настраивает себя на тончайшее внимание к любому его проявлению, к тому, как он буквально *ведет себя* в разнообразных условиях и под различным воздействием.

Несмотря на то, что три вопроса технической деятельности, которые выделил Сеннет, раскрывают в первую очередь динамику увлеченности мастера тем, что он делает, и, соответственно, задают условия совершенствования мастерства, здесь виден путь к прояснению главного вопроса статьи, а именно отношения техники к знанию и сообщению, или, иначе говоря, возможности для техники быть техникой знания и сообщения. Если понимать технику просто как цепочку действий, то она остается исключительно структурой определенного навыка и практики, однако совсем иное дело, если принимать, что каждый новый шаг в этой цепочки отталкивается от достигнутого прежде результата, и этот результат важен именно потому, что без него нет понимания у мастера того, что он делает, и того, *что* он есть внутри материи, которую преобразует, меняя тем самым и самого себя. Метаморфоз отталкивается от некоего знания о вещах, но его значение состоит в том, что он не ограничивается этим знанием и подготавливает к тому, что можно познать о мире сверх его простой данности, что может быть открыто в нем лишь благодаря усердию, вовлеченности и вниманию.

Знание возможно лишь в том виде, который предполагает выход за рамки человеческой субъективности к самим вещам. Этот выход в истории мысли мог толковаться как восхождение к вечным началам или обнаружение в себе врожденных идей, как смирение человека перед голосом фактов и подчинение суждений о фактах объективным проверкам со стороны экспертного сообщества. И если не отказываться от понятия знания в пользу радикального конструктивизма, то придется признать, что техническая деятельность может быть лишь оснащением познания, но никак не техникой самого знания. Именно техническому разуму постепенно открывалась природа камня и глины, воды и огня, и именно технические приспособления в качестве экспериментального оборудования направляли ученых к открытию новых свойств вещества и новых закономерностей. Но в каждом случае техническое обустройство разума должно было дополняться отношением к целому, превосходящему человека, и тем самым возвышать действие к видению, которое возникает там, где действие завершается и исчерпывает себя. Впрочем, вопрос статьи не в том, чтобы принять или отвергнуть понятие техники знания, а в том, чтобы показать, что при всем отличии познающего разума от технического возможность первого заложена во втором, и поэтому не случайно говорится именно о том, что знание подготавливается и вынашивается техникой, как рождение совершенной формы подготавливается и вынашивается долгой проработкой и преобразованием материала.

Здесь стоит вспомнить о понятии «подручного», с которым Мартин Хайдеггер работает в «Бытии и времени». Первичный опыт человека погружен в сложную паутину вещей, которые выполняют роль орудий с их целями и способами достижения этих целей. Эти вещи настолько близки людям, что они почти незаметны в своей собственной природе, они под рукой, «подручны», они существуют всегда ради чего-то другого, ради дела, которому должны послужить, и именно в этом и состоит их природа: исчезать, становиться невидимыми и при этом открывать целостность возможностей мира, в котором можно жить, ставить цели и добиваться необходимого [13, с. 104]. Таким образом, вещи-орудия, инструменты и действия с ними обладают удивительной силой открывать людям первичное условие существования, то, что Хайдеггер называет открытостью человека, его бытием-в-мире. Ошибкой является сведение всей открытости к техническому действию, о чем Хайдеггер рассуждает в знаменитой статье «Вопрос о технике» [14, с. 227–230], но сама эта ошибка возможна лишь потому, что техника на самом деле способствует открытию мира, по крайней мере, открытию человеком его собственной включенности в мир, в целое, которое больше любого отдельного действия и его цели, любой отдельной технической практики и тех средств, которые она в себя включает.

В несколько ином свете этот вопрос возникает и в рассуждениях Сеннета. Следуя описаниям антрополога Эрин О'Коннор, исследовавшей процесс освоения искусства стеклодува, Сеннет показывает, как технический навык рождается из сложнейшего процесса настройки отдельных действий и поведения расплавленного стекла. Постоянная коррекция и взаимодействие рук, туловища, работы легких и движения рта, дополняющих друг друга движений пальцев, координации руки и глаза – все это ведет к тому, что тело собирается в единое целое, которое полностью сосредоточено на изменениях формы и свойств расплавленного стекла, так что мастер начинает видеть по ту сторону самого себя, поверх движения рук и инструментов, с помощью которых он действует. Сеннет сравнивает это состояние с переживанием, которому Морис Мерло-Понти дает характеристику «быть как вещь», и такое толкование: «Когда мы поглощены неким занятием, мы целиком растворяемся в чем-то и утрачиваем самосознание, даже телесное. Мы становимся той вещью, над которой работаем» [8, с. 186]. Стеклодув начинает видеть стекло кончиками пальцев, потому что он видит вещь изнутри всех тех действий, которые он успел вложить в процесс обучения мастерству и которые вложил и в этот сгусток нагретого стекла, придав материалу своеобразную чувствительность, отвечающего каждому новому действию мастера.

Здесь нужно заметить, что цепочка действия разворачивается во времени, и для мастера первостепенное значение имеет предвидение того, как меняется и как ведет себя вещь. Более того, это изменение встроено в структуру последовательности как форма будущего, придающая этой структуре цельность и смысл, а вместе с тем придающая значимость и самому мастеру, который своей работой постоянно соединяет в единую ткань настоящее, прошлое и будущее. Эта обращенность к будущему предполагает обучение у наставника, в котором будущее уже некоторым образом состоялось, и это делает необходимым обмен, который так же требует своей техники, медиума как средства для обмена и сообщения. Простейший обмен жестами и знаками, как кажется, не предполагает никакого технического оснащения, по крайней мере, есть много жестов, например, жесты угрозы, которые достаточно просты, чтобы вызвать соответствующую реакцию. Впрочем, подобная реактивность, которая присуща и животным, не является, строго говоря, обменом. Под обменом понимается действие, которое вручает нечто и получает нечто в ответ, благодаря чему обе стороны обмена оказываются связаны определенным отношением. То, чем обмениваются в этом случае, является не просто действием, а действием, вложенным в определенный образ или объект, остановленным в этом образе или объекте, и, соответственно, переданным другому в качестве некой возможности или указания, приказа, наставления для его собственного действия.

Но это значит, что обмен уже предполагает определенную технику, позволяющую вкладывать свое действие в нечто отличное и отчуждаемое от него самого, будь это всего лишь жест, который видит и узнает другой, манера поведения, объект, возникающий в определенных практиках, например, голосовой сигнал, письменный знак, изделие из природного материала. В этом смысле показательна такая вещь как игрушка, поскольку она аккумулирует в себе множество аффектов, действий и ожиданий, и в какой-то момент является едва ли не более аутентичным представителем ребенка, чем он сам в непосредственности своего телесного присутствия. Когда ребенок скатывает мякиш хлеба, придавая ему разные формы, он видит в нем преломление собственных действий, которые ему удастся вложить в мир, чтобы подстроить под себя, размять его материю и отпечатать в ней моментальный облик своего существования. Известно, что животные играют, обмениваясь в игре действиями, которые напоминают борьбу, нападение, укусы, но остаются все еще игровыми действиями, направленными на удовольствие от игры, на выход энергии и тренировку силы и ловкости. То, что отличает игру ребенка, как раз и состоит в использовании игрушки, образа или роли, которую он примеряет на себя и через которую узнает себя в игре. Игра состоит в смене ролей, в обмене на время своих игрушек на игрушки другого, и главный выигрыш и удовольствие этого обмена состоит именно в том, что вместе с действием расширяется постоянно и ощущение присутствия себя в мире, не только в собственном теле, но и в материи вещей, в действии других людей, в общем правиле отправления своего образа в мир и его возвращения обратно в новых действиях, объектах игры и новых ролях.

Игра дает лишь самый начальный очерк того, что представляет собой обмен, в который постепенно вовлекается все сколько-нибудь значимое содержание опыта, весь объем того, что составляет мир человека, духовный и материальный. Но неизменным остается то, что действие может образовывать последовательность, и эта последовательность становится новым способом присутствия человека в мире и в самом себе, и, следовательно, сообщение о себе и мире люди выстраивают в определенной технической модели, складывающей действия в цепочку метонимии и сближающей различные фрагменты этих цепочек фигурами метафорического переноса и обмена. Роман Якобсон считал, что языковую машину стоит понимать как сложение работы на двух основных полюсах – метонимии и метафоры [15, с. 126]. Оба полюса можно представить как две стороны одного технического процесса, состоящего в выстраивании цепочек действия, и вложения этих цепочек в структуру материи, из которой и рождаются имена, глаголы, грамматические формы, с помощью которых не только люди говорят о мире, но и мир обращается к людям и говорит с ними.

То, чем обмениваются люди, в конечном итоге является лишь медиумом, посредником, который позволяет выходить за рамки собственной природной ограниченности в мир, где можно найти свое отражение и ответное действие. Медиум – это фрагмент мира, который берется в качестве места сборки себя как целого, которое при этом больше в каждом отдельном действии и поэтому может быть способом трансценденции к другому, к возможности изменения мира, к будущему как возможности соизмерения нашего присутствия с бытием в целом. И если подобного рода соизмерение остается мечтой, которая движет человеком в его проектах веры, познания, преобразования мира, то сам медиум является вполне практическим средством, техникой знания и сообщения, позволяющей человеку делать свои шаги в совершенно особой среде, природной и произведенной, а еще точнее, постоянно производимой и изменяемой самим человеком как существом, прежде всего, техническим.

Список источников

1. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная философия. СПб.: Владимир Даль, 2004.
2. Мамфорд Л. Миф машины. Техника и развитие человечества. М.: Логос, 2001. 408 с.
3. Мосс М. Общества. Обмен. Личность: Труды по социальной антропологии. М.: Восточная литература РАН, 1996. 362 с.
4. Leroi-Gourhan A. Gesture and Speech. Cambridge, Massachusetts & London: MIT Press, 1993. 431 с.
5. Икскуль Я. Путешествие в окружающие миры животных и людей. Теория значения. Москва: Ад Маргинем Пресс, 2025. 208 с.
6. Бергсон А. Собр. соч.: в 4-х т. Т. 1. М.: Московский Клуб, 1992.
7. Джемс У. Психология. М.: Педагогика, 1991. 368 с.
8. Сеннет Р. Мастер. М.: Strelka Press, 2018. 328 с.
9. Видаль-Накэ П. Эюд о двусмысленном: ремесленники в городе-государстве Платона. Черный охотник. Формы мышления и формы общества в греческом мире. М.: Ладомир, 2001. С. 245–267.
10. Платон. Собр. соч.: в 4-х т. Т. 3. М.: Мысль, 1994.
11. Платон. Собр. соч.: в 4-х т. Т. 2. М.: Мысль, 1993.
12. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа. СПб.: Наука, 1992.
13. Хайдеггер М. Бытие и время. СПб.: Наука, 2002.
14. Хайдеггер Мартин. Время и бытие. Статьи и выступления. М.: Республика, 1993. 447 с.
15. Якобсон Р. Два аспекта языка и два типа афатических нарушений // Теория метафоры: сб. / под общ. ред. Н.Д. Арутюновой и М.А. Журиной. М.: Прогресс, 1990. С. 110–132.

References

1. Gusserl' E. Krizis evropejskih nauk i transcendental'naya filosofiya. SPb.: Vladimir Dal', 2004.
2. Mamford L. Mif mashiny. Tekhnika i razvitie chelovechestva. M.: Logos, 2001. 408 s.
3. Moss M. Obshchestva. Obmen. Lichnost': Trudy po social'noj antropologii. M.: Vostochnaya literatura RAN, 1996. 362 s.
4. Leroi-Gourhan A. Gesture and Speech. Cambridge, Massachusetts & London: MIT Press, 1993. 431 s.
5. Ikskul' Ya. Puteshestvie v okruzhayushchie miry zhivotnyh i lyudej. Teoriya znacheniya. Moskva: Ad Marginem Press, 2025. 208 s.
6. Bergson A. Sobr. soch.: v 4-h t. T. 1. M.: Moskovskij Klub, 1992.
7. Dzhems U. Psihologiya. M.: Pedagogika, 1991. 368 s.
8. Sennet R. Master. M.: Strelka Press, 2018. 328 s.

9. Vidal'-Nake P. Etyud o dvusmyslennom: remeslenniki v gorode-gosudarstve Platona. Chernyj ohotnik. Formy myshleniya i formy obshchestva v grecheskom mire. M.: Lodomir, 2001. S. 245–267.
10. Platon. Sobr. soch.: v 4-h t. T. 3. M.: Mysl', 1994.
11. Platon. Sobr. soch.: v 4-h t. T. 2. M.: Mysl', 1993.
12. Gegel' G.V.F. Fenomenologiya duha. SPb.: Nauka, 1992.
13. Hajdegger M. Bytie i vremya. SPb.: Nauka, 2002.
14. Hajdegger Martin. Vremya i bytie. Stat'i i vystupleniya. M.: Respublika, 1993. 447 s.
15. Yakobson R. Dva aspekta yazyka i dva tipa afaticheskikh narushenij // Teoriya metafor: sb. / pod obshch. red. N.D. Arutyunovoj i M.A. Zhurinskoj. M.: Progress, 1990. S. 110–132.

Информация о статье: статья поступила в редакцию: 05.11.2025; принята к публикации: 19.11.2025

Information about the article: the article was submitted to the editorial office: 05.11.2025;
accepted for publication: 19.11.2025

Информация об авторе:

Шевцов Константин Павлович, профессор кафедры философии и социальных наук Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России (196105, Санкт-Петербург, Московский пр., д. 149), доктор философских наук, e-mail: shvkst@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7768-4602>, SPIN-код: 4464-1902

Information about the author:

Shevtsov Konstantin P., professor of the department of philosophy and social sciences of Saint-Petersburg university of State fire service of EMERCOM of Russia (196105, Saint-Petersburg, Moskovsky ave., 149), doctor of philosophy, e-mail: shvkst@list.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7768-4602>, SPIN: 4464-1902